

**«Вся эта история производит несерьезное впечатление»:
проблема установления албано-советских отношений
в 1924 г.**

Родин Денис Валерьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: enigma9307@mail.ru

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Цитирование

Родин Д. В. «Вся эта история производит несерьезное впечатление»: проблема установления албано-советских отношений в 1924 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 135–158. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

Статья поступила в редакцию 20.07.2025.

Рецензирование завершено 08.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00461 «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Аннотация

Приход к власти в Албании леволиберального правительства Ф. Ноли в результате Июньской революции 1924 г. способствовал выдвижению инициативы по установлению дипломатических отношений между Тираной и Москвой. Однако начавшийся в июле переговорный процесс между двумя странами затянулся на полгода и завершился провалом. Длительные паузы в решении вопроса о советско-албанских отношениях были вызваны в первую очередь несоординированными действиями полпредств СССР в Риме и Вене: каждое из них вело самостоятельные переговоры с албанской стороной на своих условиях, из-за чего в Тиране не понимали, какова окончательная позиция Москвы по вопросу установления

отношений. Другой серьезной проблемой стала бюрократическая волокита при назначении сотрудников предполагаемого полпредства в Тиране. Задержки со стороны Москвы наложились на ухудшение отношений между албанским правительством и Косовским комитетом, активно продвигавшим идею укрепления советско-албанских связей. Также ими воспользовались Великобритания, Италия и Югославия (при поддержке Франции), которые опасались усиления советских позиций на Балканском полуострове. Оказав совместное давление на правительство Ф. Ноли, названные державы добились высылки из Тираны только что прибывшего полпреда А. А. Краковецкого. Осуществление в декабре 1924 г. нового переворота в Албании и возвращение к власти правительства А. Зогу обозначили конец первой попытки установления дипломатических сношений между Тираной и Москвой.

Ключевые слова

СССР, Албания, Июньская революция, Фан Ноли, Г. В. Чичерин, А. А. Краковецкий, международные отношения, советская дипломатия, Балканы.

Общим местом в оценке «полосы признания» СССР 1924–1925 гг. является ее восприятие как череды непрерывных успехов советской дипломатии. Показательной в этом отношении является недавняя монография О. Р. Айрапетова, в которой глава о внешнеполитическом положении Советского Союза в 1920-е гг. открывается следующими словами: «1924 год стал годом внешнеполитического прорыва СССР... Задача выхода из международной изоляции была решена, наступало время большой политики»¹. Однако при ближайшем рассмотрении в цепи дипломатических побед Москвы в рассматриваемый период можно обнаружить и ряд поражений – например, при попытке установления отношений с хортистской Венгрией² и с Албанией в период пребывания у власти в стране правительства Ф. Ноли. Пусть они были не столь существенными, но весьма показательными с точки зрения тех проблем и вызовов, с которыми сталкивалось советское дипломатическое ведомство в первые годы своей работы.

---

¹ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М., 2020. С. 128.

² См., напр.: Kolontári A. Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941. Boulder (Col.); Highland Lakes (N.J.), 2010. P. 85–86.

В рамках данной статьи подобного рода проблемы будут проанализированы на примере неудачной попытки установления отношений между Москвой и Тираной. Хотя к данному сюжету обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи, традиционно первоочередное внимание при его рассмотрении уделялось факторам международного порядка, а именно роли великих европейских держав и соседей Албании в срыве налаживания ее дипломатических сношений с СССР³. Обращение к опубликованным и архивным материалам позволяет дополнить эту картину и более четко обозначить те проблемы, с которыми столкнулась советская дипломатия в ходе переговоров с албанцами. Соответственно, представленная статья преследует цель комплексного объяснения провала инициативы по установлению советско-албанских отношений в 1924 г. с учетом факторов как внешне-, так и внутривластного характера.

Вопрос вступления в официальные дипломатические сношения с Тираной прорабатывался в НКВД с начала 1923 г. В ответ на благодарственное письмо премьер-министра А. Зогу за содействие в деле репатриации албанцев, проживавших в СССР, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов писал, что «наступил момент для установления дипломатических отношений между русским и албанским народами, что позволило бы разрешить все вопросы политического характера, существующие между нашими двумя странами»⁴. Однако албанское правительство уклонилось от советского предложения, объяснив свой отказ нежеланием опережать в данном вопросе великие державы. Как писал министр иностранных дел Албании П. Эвангели: «В тот день, когда Российское правительство возобновит дипломатические отношения с этими державами, албанский народ сочтет для себя счастьем иметь в Албании представителя Великого Российского государства»⁵. В июле и октябре 1923 г. внешнеполитические ведомства двух стран обменялись нотами, в которых

---

3 Краткая история Албании. М., 1965. С. 203–210; Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 290–296; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 108–119; *Сальков А. П.* Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-е – 1930-е гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 10. Минск, 2015. С. 165–168; *Schmidt-Neke M.* Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939). München, 1987. S. 132–133.

4 Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). М., 1962. Т. VI. С. 134.

5 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 294.

вновь было выражено желание установить дипломатические отношения, но при более подходящих условиях.

Подобные условия сложились лишь в 1924 г. Неслучайно Литвинов уже в январе того года писал во внутренней записке: «Наше международное положение более благоприятно, чем когда бы то ни было. Мы консолидировали свои отношения с целым рядом государств»⁶. Установление дипломатических отношений с Великобританией и Италией в феврале 1924 г. открывало путь к налаживанию связей с малыми государствами Европы, в том числе и с Албанией. О необходимости установления отношений с балканскими странами еще в конце 1923 г. писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин: «Предварительный зондажный период на Балканах, собственно, доведен до конца. Или мы будем топтаться на месте, или надо идти дальше»⁷.

В самой Албании ситуация к началу 1924 г. была весьма непростой. Шла открытая борьба за власть между отдельными группировками и лицами, и центром притяжения оппозиционных сил являлась федерация «Атдеу» («Родина») во главе с А. Рустеми, завоевавшая на парламентских выборах в декабре 1923 г. почти половину депутатских мест. Влияние в федерации левых, демократических сил было столь велико, что 4 февраля 1924 г. по настоянию Рустеми парламент почтил память недавно скончавшегося В. И. Ленина, воздав ему должное как защитнику «высоких принципов человечности» и интересов Албании⁸.

Более того: некоторые партии, входившие в состав «Атдеу», обращались к Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) с просьбой помочь им свергнуть правительство А. Зогу. Взамен ВМРО обещали предоставить «широкую свободу по ведению организационной работы и использованию страны как базы». Однако руководитель ВМРО Т. Александров ответил отказом – «ввиду следования принципу невмешательства во внутреннюю жизнь страны, а также и ввиду того, что для нас (деятелей ВМРО. – Д. Р.) продажность албанцев не составляет никаких сомнений»⁹. В Москве одобряли подход македонских революционеров и, более того, считали,

---

6 Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 381.

7 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 173.

8 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 290.

9 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 1. С. 190.

что «о возможной перемене правительства в Албании сейчас говорить еще очень трудно», поскольку «очень сомнительно, чтобы две партии оппозиции (либералы и консерваторы. – Д. Р.) могли сговориться между собой»¹⁰.

В немалой степени это было связано с общей оценкой ситуации на Балканах советским руководством. Поражение Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии привело к определенному разочарованию в революционном потенциале балканских народов. Из этого проистекало крайне осторожное отношение к потенциальным выступлениям в странах Юго-Восточной Европы: так, в июне 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило, что «болгарское революционное движение должно рассчитывать исключительно на внутренние революционные силы» и что «СССР – ввиду общего положения вещей – вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не мог бы»¹¹. Опубликованная в конце июля того же года в газете «Правда» статья «Революционная атмосфера на Балканах», подчеркивавшая раскол между ВМРО и правительством А. Цанкова в Болгарии и преувеличивавшая «враждебное отношение к нему народных масс», равно как и «возбужденное настроение» в Румынии в связи с репрессивными методами правительства И. Брэтиану¹², была подвергнута критике со стороны ЦК РКП(б) за то, что создавала «атмосферу преувеличенных революционных ожиданий» и вредила «практической революционной работе на Балканах»¹³.

Следствием подобного отношения стала определенная неподготовленность советского руководства к событиям, развернувшимся в Албании с весны 1924 г. Убийство главы федерации «Атдеу» Рустеми 20 апреля обострило внутривнутриполитические противоречия, и уже в конце мая в стране началось вооруженное восстание под предводительством православного священника Ноли. Сопrotивление правительственных войск было быстро подавлено, и уже 10 июня повстанцы заняли Тирану. В Албании победила Июньская революция, по итогам которой было сформировано революционное правительство во главе с Ноли. По своему характеру оно было весьма левым: сам

¹⁰ Там же. С. 185.

¹¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 31.

¹² Революционная атмосфера на Балканах. Тревожное настроение в Болгарии и Румынии // Правда. 1924. 31 июля. С. 1–2.

¹³ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 47.

премьер-министр был либералом и проявлял интерес к советскому опыту государственного строительства. Как отмечали в НКВД СССР, он уже не раз пытался вступить в сношения с Москвой, в частности, в 1923 г. обращался за визой под предлогом желая «ознакомиться с обновленческим движением православной церкви»¹⁴. При этом, по одним данным, визу он получил, но ею не воспользовался, по другим – во въезде в СССР ему было отказано¹⁵.

Важную роль в Июньской революции сыграл Комитет народной защиты Косово, или Косовский комитет, созданный в 1918 г. с целью добиться отделения территорий соседнего Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), населенных албанцами (Косово, Метохия, западная Македония и части Санджака), и присоединения их к Албании. Члены данной организации активно сотрудничали с ВМРО, через которую им удалось наладить связь и с Коминтерном. Русские эмигранты, осевшие на Балканах после окончания Гражданской войны, фиксировали, что «Косовский комитет, являясь чисто национальной организацией, уклонился, однако, в большевистскую сторону»¹⁶. На роль Косовского комитета в перевороте указывал и начальник Иностранного отдела ОГПУ (ИНО ОГПУ) М. А. Трилиссер, называвший представителей комитета «нашими друзьями в албанском правительстве»¹⁷.

Одновременно, борясь с КСХС, или Югославией, комитет искал поддержки и в Италии: по сообщениям русских эмигрантов, через города Бари и Барлетта он получал снабжение патриотической литературой и вооружением, а Июньская революция, приведшая к власти «явных италофилов, ведущих агрессивную политику», должна была подготовить «оккупацию Албании итальянцами»¹⁸. Впрочем, более справедливым представляется мнение заведующего Отделом балканских стран НКВД СССР Г. Б. Сандомирского: «италофильство» Ноли следовало понимать «в весьма ограничительном смысле»,

---

14 Г. Б. Сандомирский – Г. В. Чичерину. О нынешнем Албанском правительстве – в связи с письмом тов. Юренева. 27 июля 1924 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11.

15 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11. Л. 36.

16 Политич. положение на Балканах. Рим, 30 августа 1924 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р6817. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

17 М. А. Трилиссер – Г. В. Чичерину. 21 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 8 об.

18 Политич. положение на Балканах. Рим, 30 августа 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р6817. Оп. 1. Д. 91. Л. 96–97.

поскольку он был «резко выраженным националистом», готовым «проявить свое “фильство” по отношению к кому угодно с тем, однако, чтобы его ориентация на какое-либо другое государство явилась бы не самоцелью, а лишь средством к осуществлению его националистических замыслов»¹⁹. В дальнейшем правительство Ноли пыталось лавировать между двумя соседними странами – Италией и Югославией, надеясь укрепить самостоятельность Албании путем игры на противоречиях между Римом и Белградом.

В первые месяцы своего существования новое албанское правительство столкнулось с той же проблемой, что и большевики в 1917 г.: международная изоляция. Соседи и великие державы, не верившие в долговременный характер правительства Ноли, не торопились заявлять о его признании. Наблюдатели отмечали, что истинные отношения Италии и Югославии к новому албанскому правительству остаются неясным, и фиксировали «намек на возможность новой попытки раздела Албании»²⁰. Несмотря на относительное «италофильство» Ноли и его министров, в Риме опасались действовать, не согласовав заранее своей позиции с другими заинтересованными странами, чтобы не столкнуться с обвинениями в том, что правительство Б. Муссолини «вновь пытается проводить в Албании гегемонистскую политику»²¹. Что касается Белграда, то, несмотря на заявления Ноли о готовности «поддерживать добрососедские отношения со всеми соседними государствами», правительство Н. Пашича опасалось, что новое албанское руководство окажется «инструментом итальянской политики», а кроме того, проявляло недовольство его тесными связями с Косовским комитетом²². Как следствие, Югославия не только не признала правительства Ноли, но и приняла на своей территории бежавшего Зогу и его сторонников.

Выжидательную позицию заняли также Лондон и Париж. Премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании Р. Макдональд указывал, что формальное признание не состоится до тех пор, пока полномочия нового албанского правительства не будут

---

19 Г. Б. Сандомирский – Г. В. Чичерину. О нынешнем Албанском правительстве – в связи с письмом тов. Юренева. 27 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11.

20 Албания в 1912–1924 гг. // Албанский узел. М.; Л. 1925. С. 184.

21 *Pastorelli P. Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927. Firenze, 1967. P. 35.*

22 *Muuuh S. Албанија: пријатељ и противник. Југословенска политика према Албанији 1924–1927. Београд, 2009. С. 55–58.*

подтверждены «четким выражением народной воли»²³. Французское же правительство указало кабинету Ноли на опасность, которой «подвергнут независимость страны лидеры революции и правительства, если они не договорятся как можно скорее друг с другом, создав тем самым предлог для иностранного вмешательства»²⁴.

Фактически только Советский Союз в первые же дни после переворота проявил дружественные намерения в отношении демократической Албании. По справедливому замечанию отечественного исследователя Ар. А. Улуныяна, это было обусловлено тем, что переворот «оживил надежды Коминтерна и советского партийно-государственного руководства на возможное скорое изменение соотношения сил на Балканах в пользу коммунизма»²⁵. На заседании Балканской коммунистической федерации 7 июня 1924 г. было признано необходимым «призвать коммунистические партии к акции против интервенции Италии, Югославии и Греции, а также к митингу солидарности с восстанием, которое, будучи массовым движением в борьбе с империализмом на Балканах, имеет своей целью добиться независимости Албании»²⁶. Само восстание оценивалось как «национальный подъем против феодально-консервативного режима правительства Тираны»²⁷, в связи с чем Чичерин писал советскому полпреду в Греции А. М. Устинову: «Албанские повстанцы, достигшие власти, стоят гораздо ближе к нам, чем низложенное правительство Ахмет-бея... Посмотрим, как они поведут обещанную борьбу против феодализма»²⁸.

Левый характер правительства Ноли и явно дружественные сигналы, поступающие из Страны Советов, обусловили готовность Тираны к установлению дипломатических отношений с Москвой. 4 июля на имя Чичерина была составлена нота министра иностранных дел С. Дельвини, провозглашавшая: «...новое албанское правительство почтет себя весьма счастливым установить дипломатические и дружественные

---

23 Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). London, 1985. Ser. I. Vol. 26. P. 281–282.

24 Documents diplomatiques français. 1924. Paris, 2013. T. I. P. 548.

25 Улуныян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. М., 1997. С. 75.

26 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М., 2003. Ч. 2. С. 17.

27 Улуныян Ар. А. Коминтерн и геополитика. С. 75.

28 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 31.

отношения между народом русским и албанским»²⁹. 15 июля данная нота была передана в Москву через полпреда СССР в Италии К. К. Юрнева, который рекомендовал дать албанцам положительный ответ и вести переговоры об установлении отношений в Риме³⁰.

В НКВД албанская нота была встречена одобрительно. Чичерин выступал за скорейшее установление отношений между двумя странами, мотивируя это следующим образом: «Практически Албания может представить для нас интерес как территориальная база для нашей политической акции на Балканах. От Болгарии она отрезана югославскими владениями, но для воздействия на Югославию для дальнейшего развития связи с примыкающими к Радичу элементами и для контакта с действующими в северной Греции национальными элементами Албания является весьма удобным местом»³¹. В аналогичном ключе высказывался Трилиссер, указывавший на «положительное значение для нас Албании как наблюдательного пункта на Балканах и возможной базы для нашей работы»³². Утверждалось, что установление отношений поможет деятельности Косовского комитета и воспрепятствует распространению в Албании иностранного влияния (в первую очередь Югославии и Италии). Кроме того, обращалось внимание на левизну правительства Ноли и его готовность к осуществлению аграрной реформы по образцу большевистской, в связи с чем утверждалось, что «новое албанское правительство является... шагом вперед в политике левых крестьянских партий»³³. Наконец, в Москве предполагали, что желание возобновить сношения с Советским Союзом может служить «косвенным подтверждением» влияния «косовцев» в албанском правительстве³⁴.

В немалой степени подобные оптимистичные прогнозы были связаны с тем, что Трилиссер в те годы был, по воспоминаниям

---

29 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928. Ч. III. Вып. I. С. 313.

30 ДВП СССР. М., 1963. Т. VII. С. 398.

31 Копия записки Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложения албанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. 18 июля 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 40.

32 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 94.

33 Там же. С. 95.

34 М. А. Трилиссер – Г. В. Чичерину. 21 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 8об.

современников, «большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого», и оба учреждения находились «в теснейшей деловой связи»³⁵. Соответственно, заявления главы ИНО ОГПУ отражали прежде всего взгляд руководства III Интернационала на Балканы как на «слабое звено» в цепи империалистических держав, где достаточно «лишь качнуть маятник, чтобы балканские часы начали отсчитывать время революции»³⁶. Вместе с тем оценки Трилиссера вполне коррелировали с новой установкой советского руководства на развитие международных связей в рамках политики мирного сосуществования, ввиду чего они были с одобрением встречены руководством НКВД в лице Чичерина. Последний указывал, что, поскольку «никаких взаимных претензий у нас с Албанией нет», следовало «просто вступить в дипломатические отношения, ответить на письмо албанского правительства таким же письмом и взаимно назначить полпредов»³⁷. Соответствующее решение было передано в Тирану через Юренева 25 июля³⁸.

Вслед за этим советская дипломатия столкнулась с непредвиденными трудностями. Телеграмма Чичерина хоть и одобряла сам факт установления отношений с Албанией, но не давала разъяснений, как именно его следует оформить: должен ли Ноли обратиться к главе НКВД СССР с нотой и получить соответствующий ответ или же надлежит провести переговоры относительно формальностей с албанским поверенным в делах в Риме. Не понимая, «каков конкретный план в этом вопросе Москвы», Юренив остановился на втором варианте³⁹. Это означало, что на согласование позиций двух правительств потребуется время. Поручив вести переговоры с албанской стороной советнику полпредства в Италии А. М. Макару, Юренив в начале августа отправился в отпуск.

Именно в этот момент выяснилось, что инициатива по установлению дипломатических отношений между двумя странами была подготовлена советским полпредством в Вене под руководством В. Х. Ауссема. Именно оно вступило в контакт с Косовским комитетом и выработало проект ноты, которую албанское правительство должно

35 Агабеков Г. С. ГПУ: Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 24.

36 Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика. С. 80.

37 Копия записки Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложения албанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. 18 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 40.

38 ДВП СССР. Т. VII. С. 407.

39 К. К. Юренив – Г. В. Чичерину. Рим, 28 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 14.

было передать в Москву через полпредство в Италии (поскольку Албания не имела в Австрии официального представителя)⁴⁰. Данный проект включал в себя следующие пункты: принятие к сведению образования нового правительства в Тиране; пожелания правительству Ноли «успешной работы, направленной к развитию свободы албанского народа»; согласие на установление дипломатических сношений в полном размере; согласие на принятие албанского представителя в Москве и посылку советского полпреда в Тирану⁴¹. Хотя исходный вариант ноты, как указывал первый секретарь полпредства СССР в Австрии Д. В. Богомолов, был «гораздо пространнее», ключевой момент – об установлении дипломатических отношений – в окончательном тексте остался неизменным⁴². Соответственно, албанская сторона не предполагала ведения дальнейших переговоров с Москвой, считая, что все условия уже обговорены заранее.

Ввиду того, что Юренив не был в курсе договоренностей между албанцами и полпредством СССР в Вене относительно способов быстрого установления отношений между двумя странами, он предложил албанским представителям в Риме «подписать протокол, устанавливающий дипсношения и обмен представителями», что было воспринято в Тиране как желание Москвы «затянуть решение вопроса», из-за чего албанцы стали более сдержанными⁴³. Венское полпредство попыталось исправить ситуацию, сообщив в Рим об уже оговоренных условиях взаимного признания, но, поскольку в августе Юренив находился в отпуске, данное сообщение принял советник полпредства СССР в Италии Макар. Не имея сведений о переговорах Ауссема и Богомолова с «косовцами» и следуя инструкциям, оставленным Юренивым, советник принял решение «положить в основу соглашения текст, оставленный т. Юренивым, а вести переговоры в пределах текста т. Богомолова», т. е. фактически продолжать линию на подписание с албанцами протокола⁴⁴. Не придав должного значения

---

40 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 146.

41 Выписка из письма тов. Богомолова тов. Чичерину. Вена, 13 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 17.

42 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 28 Августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 28.

43 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 165.

44 А. М. Макар – Г. В. Чичерину. Рим, 18 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 19.

шифровке из Вены, Макар лишь приобщил ее «к делу», вместо того чтобы немедленно связаться с полпредством в Австрии, Москвой или Юреневым для уточнения деталей⁴⁵.

Как следствие, Юренев узнал о наличии предварительных договоренностей по установлению отношений между СССР и Албанией лишь по возвращении в Рим в конце августа. Он немедленно обрушился на венское полпредство с обвинениями в том, что оно не сочло нужным своевременно известить своих римских коллег о предварительных переговорах с албанцами, из-за чего «вся эта история производит несерьезное впечатление»⁴⁶. Между тем и в Москве начали выражать беспокойство по поводу задержки в переговорах с Тираной, в связи с чем сам Чичерин недоумевал: «Кто тут саботирует, в чем препятствие?»⁴⁷

Стремясь наконец ликвидировать заминки в переговорах с Албанией, Юренев принял решение лично отправиться в Вену для того, чтобы обсудить с Ауссемом и Богомоловым окончательную формулу установления отношений. Прибыв в австрийскую столицу, Юренев выяснил, что сотрудники венского полпредства вели переговоры не напрямую с представителями албанского правительства, а лишь с членами Косовского комитета, поэтому утверждения о наличии проекта соглашения, согласованного с албанским правительством, являлись в некотором роде преувеличением. Отличия же окончательной ноты от текста, согласованного с «косовцами», объяснялись тем, что либо сами «косовцы» «коряво изложили эту ноту албанцам», либо последние предпочли вручить ее в измененном виде. Как резюмировал сам Юренев: «Впечатление от всей этой истории довольно грустное»⁴⁸.

Для исправления ситуации представители двух полпредств предложили главе НКВД направить в Тирану официальную ноту о соглашении на установление дипломатических отношений и обмен представителями. 4 сентября 1924 г. на имя Дельвины была направлена соответствующая нота со следующими словами Чичерина: «...правительство Сов. Союза желает отныне же установить с албанским правительством нормальные дипломатические отношения. Адресуя новому

---

45 К. К. Юренев – Д. В. Богомолову. Рим, 25 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 25.

46 Там же. Л. 22.

47 Г. В. Чичерин – В. Х. Ауссему. Москва, 27 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 26.

48 К. К. Юренев – Г. В. Чичерину. Вена, 31 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 31.

албанскому правительству наши наилучшие пожелания, я выражаю твердую уверенность, что дружба между нашими народами, развиваясь и укрепляясь, принесет обильные плоды для благополучия того и другого...»⁴⁹

Хотя инцидент был наконец исчерпан, он имел весьма серьезные последствия. Слухи о возможном установлении отношений между Москвой и Тираной вызвали недовольство в западноевропейских и соседних с Албанией странах. Как отмечает албанский исследователь К. Крисафи, пресса обвиняла правительство Ноли в том, что оно «шаг за шагом превращает Албанию в большевистский центр на Балканах»⁵⁰, а это могло иметь следствием усугубление проблемы международной изоляции Тираны. Кроме того, правительство Ноли, опасаясь интервенции со стороны Югославии и не имея реальной военной силы для ее отражения, было вынуждено вести по отношению к Белграду компромиссную политику, что вызвало недовольство Косовского комитета. К началу осени разногласия между правительством и «косовцами» выявились окончательно, из-за чего руководители последних отвели свои войска на север, фактически отказав Ноли в поддержке. Как отмечалось в донесениях Богомолова, положение было настолько обостренно, что не исключалась возможность вооруженного столкновения между «косовцами» и правительственными силами⁵¹.

Следствием давления со стороны европейской прессы и сокращения влияния Косовского комитета на политический курс правительства Ноли стало снижение заинтересованности последнего в установлении дипломатических отношений с Советским Союзом, в том числе потому, что инициатива в данном вопросе в Тиране исходила прежде всего из рядов «косовцев». Уже 19 августа 1924 г. Дельвина направил в албанскую миссию в Риме инструкцию следующего характера: на возможные вопросы советской стороны касательно условий и сроков установления отношений между двумя странами следовало давать максимально уклончивый ответ⁵². На практике это выра-

---

49 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Вып. I. С. 313.

50 Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik? // Fondacioni Hasan Prishtina 2024. URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (дата обращения: 08.09.2025).

51 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 36.

52 Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik?

зилось в затягивании албанским поверенным в делах в Риме вопроса о выдаче советскому полпреду в Тиране соответствующего агремана. При этом сотрудники римского полпредства выражали мнение, что «именно албанское представительство в Риме саботирует этот вопрос»⁵³. Действия албанского поверенного в делах в Риме объяснялись советскими дипломатами тем, что он был подкуплен правительством Муссолини⁵⁴.

Впрочем, в венском полпредстве предпочитали смотреть на ситуацию оптимистично: по мнению Богомолова, Ноли мог быть по-прежнему заинтересован в установлении сношений с Москвой из расчета, что последняя могла бы повлиять на «косовцев» «в смысле примирения с ним», а кроме того, «будучи принужден вести компромиссную политику по отношению как к Италии, так и к Югославии», глава албанского правительства должен был «стремиться искать какой-нибудь опоры в государстве, не заинтересованном непосредственно в подчинении Албании своим материальным интересам», и на эту роль как раз подходил Советский Союз⁵⁵. Начальник же Богомолова Ауссем в донесениях в Москву выражал уверенность, что «недоразумение с албанцами, по-видимому, приходит к концу»⁵⁶. Подтверждением этого являлось, например, разрешение вопроса с агреманом в октябре 1924 г.: советское полпредство в Риме решило данный вопрос напрямую с главой албанского правительства, воспользовавшись тем, что Ноли на пути в Тирану из Женевы, где он участвовал в работе Генеральной Ассамблеи Лиги Наций, сделал остановку в Риме.

Но в это же время в процессе установления дипломатических отношений между Тираной и Москвой вновь возникла длительная пауза – на этот раз связанная с кадровыми вопросами. Казалось бы, полпред в Албанию был назначен в партийном порядке еще 7 августа – им стал бывший эсер А. А. Краковецкий, вступивший в ряды РКП(б) в 1922 г. и тогда же поступивший на службу в НКВД. Агреман от правительства Ноли был получен им 10 октября, 28 октября его кандидатура была

---

53 А. М. Макара – М. М. Литвинову. Рим, 23 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 46.

54 Г. В. Чичерин – К. К. Юренину. Москва, 1 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 32.

55 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 38–39.

56 Выписка из письма т. Ауссема тов. Литвинову. № 181 от 24/IX-1924 года // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 48.

утверждена СНК, а 1 ноября – в ЦИК СССР⁵⁷. Но выезд Краковецкого в Албанию постоянно откладывался – под тем предлогом, что он (как впоследствии жаловался Чичерин) «никак не мог выехать без сотрудника, в полной мере владеющего некоторыми западными языками, ибо сам т. Краковецкий может до некоторой степени объясняться, но не может писать документов ни на каких западных языках. Вопрос об его отъезде, по его собственному заявлению, всецело связывается с вопросом о назначении его сотрудников»⁵⁸. Два месяца – октябрь и ноябрь – ушли на согласование кандидата на роль первого секретаря полпредства или, как минимум, переводчика для Краковецкого: были последовательно отклонены кандидатуры товарищей Вазонова, Шило, Саворовского, и только П. В. Стучевский 24 ноября получил одобрение в аппарате ЦК и комиссии по выездам. Чичерин сокрушался по данному поводу: «Это поразительный пример того, к каким тяжелым политическим последствиям ведет волокита при наших зарубежных назначениях»⁵⁹. Как следствие, Краковецкий выехал за границу лишь 29 ноября, направившись в Тирану через Вену и Рим.

Новой заминкой в развитии советско-албанских отношений воспользовались Югославия и западноевропейские державы, опасавшись превращения Албании в «большевистский центр» и источник беспорядков на Балканах. Особое беспокойство по поводу деятельности в Юго-Восточной Европе «московских агентов», преследовавших цель «спровоцировать революцию на Балканах», высказывал министр иностранных дел Югославии М. Нинчич⁶⁰. Его особенно волновала деятельность советских представителей в Тиране, направленная, по его словам, «на разжигание все большего и большего беспорядка на территории, которая естественным образом была к этому предрасположена»⁶¹. Югославские дипломаты в Лондоне нагнетали истерию, распространяя слухи, что и в Албании, и в Болгарии ведется «организованная большевистская пропаганда» и что эмиссар Краковецкий едет в Тирану для того, чтобы «усилить деятельность банд

---

57 О назначении тов. Краковецкого полпредом Союза ССР в Албанию // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 5. Д. 212. Л. 1–5.

58 Копия записки Г. В. Чичерина И. В. Сталину по поводу советского представительства в Албании. 6 декабря 1924 года // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 47.

59 Там же.

60 I Documenti Diplomatici Italiani (далее – DDI). Roma, 1959. Settima Serie. Vol. III. P. 358.

61 Ibid. P. 375.

на границах Сербии и с Албанией, и с Болгарией»⁶². Как следствие, о том, что грядущий приезд в Тирану «пропагандиста» Краковецкого вызывает «большое беспокойство», писала и газета «Таймс»⁶³.

В Риме разделяли тревоги Белграда, что позволило двум странам к началу декабря договориться о единой тактике в отношении албанских событий, подразумевающей невмешательство в разворачивающийся конфликт между правительством Ноли и готовящимися к интервенции с территории Югославии отрядами Зогу⁶⁴. Равным образом Италия и Великобритания также сходились во мнении, что следует «возвести барьер вокруг Балкан и предотвращать любое внешнее вмешательство» в дела региона – в первую очередь со стороны СССР⁶⁵. Накануне приезда Краковецкого в Тирану британский посланник прямо указал албанскому правительству на необходимость «пресечь любую большевистскую деятельность, которая может иметь место в Албании»⁶⁶.

Свою роль сыграла, по всей видимости, и французская дипломатия. Полпред СССР в Великобритании Х. Г. Раковский впоследствии писал, что «французское правительство облегчает сербам захват части Албании», и приводил в подтверждение своей точки зрения сведения из передовицы газеты «Тан» от 22 декабря о том, что «Албания является политически нежизнеспособной, т. к. она не является гомогенным государством... и что поэтому она должна быть разделена между ее соседями»⁶⁷. Поддержка югославских и итальянских устремлений в Албании, по всей видимости, объяснялась как стремлением Парижа усилить Белград в качестве проводника французского влияния на Балканах, так и желанием обеспечить Риму компенсации за укрепление французских позиций в Северной Африке.

Параллельно с этим в Москве отмечали ослабление позиций правительства Ноли: оно так и не провело аграрную реформу, что вызвало разочарование крестьянских масс, и находящиеся в Югославии сторонники Зогу стремились использовать это недовольство, чтобы при поддержке югославского правительства осуществить новый переворот путем вооруженного вторжения в Албанию⁶⁸. О желательности возвра-

62 DBFP. Ser. I. Vol. 26. P. 427.

63 Albanian Unrest // The Times. 1924. 11 December. P. 14.

64 DDI. Settima Serie. Vol. III. P. 369.

65 DBFP. Ser. I. Vol. 26. P. 419.

66 Ibid. P. 437.

67 Х. Г. Раковский – М. М. Литвинову. Лондон, 23 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 43.

68 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 296.

щения в Тирану правительства Зогу говорили, например, итальянские дипломаты: маркиз Дураццо докладывал в Рим, что «теперешнее правительство не имеет никакой власти и авторитета, и в создавшихся условиях Ахмет Зогу является единственным человеком, способным до какой-то степени подчинить албанцев и внушить им страх»⁶⁹. При поддержке югославских властей Зогу удалось к декабрю 1924 г. собрать достаточно крупные силы (среди которых были врангелевцы и переодетые сербские солдаты), и 11 декабря его войска перешли югославно-албанскую границу, начав наступление на Тирану.

Правительство Ноли оказалось в крайне сложной ситуации. Не имея возможности самостоятельно справиться с силами Зогу, оно могло рассчитывать на победу только при условии поддержки со стороны таких держав, как Италия и Великобритания, но условием этой поддержки являлся отказ от установления отношений с Советским Союзом. Не видя иного выхода, Ноли передал через албанского поверенного в делах в Риме ноту протеста против приезда в Тирану советского полпреда. В связи с этим Юренев просил Краковецкого задержаться в Вене и не приезжать в Рим до решения Москвы по этому вопросу. Однако сотрудники венского полпредства рассудили, что албанский поверенный в делах в Риме «действует без полномочий своего правительства и что его протест объясняется влиянием итальянцев, от которых он находится в материальной зависимости»⁷⁰. Поэтому, добившись от албанского консула в Вене визы, Краковецкий вместе с Ауссемом и его подчиненным М. А. Логановским отправился в Рим.

В итальянской столице из бесед с Юреневым стало очевидно, что протесты и предупреждения албанского поверенного в делах «ни в коем случае не могут рассматриваться как самочинные действия этого чиновника, предпринятые им без ведома своего правительства»⁷¹. Они были мотивированы тяжелым положением правительства Ноли в связи с вторжением банд Зогу, а также обвинениями, выдвинутыми против Ноли югославскими и итальянскими газетами, в том, что его правительство «оплачивается советским правительством», что могло сильно навредить ему на грядущих парламентских выборах⁷².

69 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 295.

70 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 2.

71 Там же. Л. 3.

72 А. М. Макар – М. М. Литвинову. Рим, 13 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 50.

На албанского премьер-министра оказывали давление и требовали, чтобы он не ухудшал ситуации приемом советского представителя.

Несмотря на увещевания представителей албанской миссии в Риме, Краковецкий, обсудив ситуацию с Юрневым, Ауссемом и Логановским, принял решение отправиться в Тирану. 14 декабря он выехал из Рима в Бари, а уже 16 числа прибыл в албанскую столицу. Вечером того же дня ему было сообщено, что после продолжительных дискуссий Совет министров большинством голосов все же решил признать советское полпредство. Вслед за этим Краковецкого посетили префект Тираны, предложивший свои услуги по присоединению помещения для полпредства, а также личный секретарь Ноли А. Фрашери и главный директор Министерства народного просвещения М. Шерко, которые описали всю серьезность ситуации в стране и еще раз указали на давление на албанское правительство со стороны Англии и Италии, выступавших против установления дипломатических отношений между Албанией и СССР⁷³.

На следующий же день, 17 декабря, последовал совместный протест со стороны Англии, Италии и Югославии, подкрепленный движением отрядов Зогу, набранных из сербских наемников и белогвардейских элементов, на северных границах Албании. Как сообщал Краковецкий, представители трех держав заявили, что «в случае пребывания полпредства в Албании они будут рассматривать наступление Ахмета Зогу как внутреннее дело Албании и предоставят ее собственным силам. В противном случае Англия обещала дипломатическим путем приостановить наступление Ахмета Зогу»⁷⁴. Позднее в интервью корреспонденту «Известий» Чичерин прямо обвинял Лондон в срыве установления советско-албанских отношений: по его словам, английский представитель «угрожал фактически безоружному правительству Фана Ноли, что передаст его в руки Ахмета Зогу в случае его отказа предложить уехать нашему полпреду»⁷⁵.

Давление на Тирану возымело действие: в тот же день правительство Ноли просило Краковецкого покинуть Албанию, и уже 18 числа полпредство выехало из Тираны обратно в Москву. По возвращении в Советский Союз действия Краковецкого были подвергнуты критике: ему ставили в вину то, что он «не сделал даже попытки» поговорить

---

73 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 4–5.

74 ДВП СССР. Т. VII. С. 587.

75 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 295.

с албанским премьер-министром, «не запросил Москвы и не посоветовался ни с Веной, ни с Римом»⁷⁶. Краковецкий оправдывал свои действия тем, что в случае задержки в Тиране даже на несколько дней он либо оказался бы в руках войск Зогу, либо вынужден был бежать от его наступающих отрядов. В первом случае, как справедливо указывал несостоявшийся полпред, «едва ли можно было рассчитывать на дружелюбное отношение нового правительства, которое шло войной против Фан-Ноли под лозунгом борьбы с III Интернационалом и опиралось на врангелевские части». Во втором случае его отъезд «неизбежно оказался бы связанным с эвакуацией правительства Фан-Ноли», что подчеркивало бы «исключительную близость к павшему правительству» и связывало бы советской дипломатии руки для будущей политики в отношении правительства Зогу⁷⁷. Будучи подтверждены Юреневым, рассуждения Краковецкого были признаны Коллегией НКВД в достаточной мере обоснованными и справедливыми.

Между тем высылка советских дипломатов из Тираны не спасла правительство Ноли: уже 24 декабря верные Зогу силы торжественно вступили в столицу Албании. Ноли и его министры бежали из страны, в которой установился фактически диктаторский режим Зогу. Как констатировал в конце 1924 г. Юренев, «вопрос об отношениях между нами и Албанией волею обстоятельств исчерпан и, вероятно, на сравнительно долгий период»⁷⁸.

Таким образом, неудача в установлении дипломатических отношений между Тираной и Москвой в 1924 г. была обусловлена не только внешнеполитическими факторами, связанными с нежеланием Белграда, Рима, Лондона и Парижа допустить распространение коммунистической пропаганды и укрепление позиций Советской России на Балканах, но и факторами внутреннего характера. Отдельные полпредства – в Вене и Риме – работали над одной и той же проблемой установления отношений с Албанией в отрыве друг от друга, и этот параллелизм порождал недопонимание и заминки как в работе НКВД, так и между советскими и албанскими дипломатами. Полпред СССР в Австрии Ауссем оправдывал действия венского полпредства тем, что за пару лет до описываемых событий полпреду в Праге

76 Г. В. Чичерин – членам Коллегии НКВД, Москва, 4 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 1.

77 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 7–8.

78 К. К. Юренев – М. М. Литвинову. Рим, 29 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 47.

«довольно основательно досталось» от Чичерина «за прямые сношения с каким-то соседом помимо и без ведома Москвы». Стремясь избежать в дальнейшем повторения подобных случаев, он просил НКВД дать «определенные указания, в каких пределах и формах допускается непосредственное сношение полпредов между собою»⁷⁹. При этом следует отметить, что венское полпредство зачастую не обладало всей полнотой информации о ситуации в Албании, из-за чего выдвигало чрезмерно оптимистические прогнозы развития событий.

Другой проблемой стали проволочки с подбором персонала для полпредства в Тиране: именно ввиду «волокиты» в кадровых вопросах европейские державы получили возможность создать препятствия для въезда Краковецкого в Албанию. Чичерин отметил по этому поводу, что «факт его неприезда дал возможность бессрочно задержать вообще его приезд», и возложил вину за это на «невыносимую волокиту цекистского бюрократического аппарата, который нескончаемо долго задерживал вопросы о назначении секретарей тов. Краковецкого»⁸⁰. Уже после высылки последнего из Тираны Чичерин горько подытожил: «Благоприятный момент был нами упущен, причем вина лежит на волоките некоторых органов»⁸¹.

События 1924 г. показали насущность таких проблем, как выстраивание горизонтальных связей между советскими полпредствами в разных странах и ускорение процедуры кадровых назначений. Их решение в последующие годы позволило усилить внешнеполитический аппарат СССР и укрепить позиции советской дипломатии на международной арене. Что же касается отношений Москвы с Тираной, то, как писал в начале 1925 г. полпред в Греции А. М. Устинов, об Албании «мы фактически знаем еще меньше, чем о Югославии»⁸². Частичное восстановление отношений в итоге произошло лишь в 1934 г., но вплоть до момента оккупации Албании фашистской Италией в 1939 г. они поддерживались через советскую миссию в Греции. В самой Тиране советская миссия была учреждена только после окончания Второй мировой войны в 1945 г.

---

79 В. Х. Ауссем – М. М. Литвинову. Вена, 24 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 47.

80 Г. В. Чичерин – А. Я. Канторовичу. Москва, 5 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 22.

81 Копия записки Г. В. Чичерина И. В. Сталину по поводу советского представительства в Албании. 6 декабря 1924 года // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 47.

82 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 330.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

- Агабеков Г. С.* ГПУ: Записки чекиста. Берлин: Стрела, 1930. 248 с.
- Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.
- Албания в 1912–1924 гг. // Албанский узел. Сборник статей. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 176–184.
- Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1962. Т. VI. 672 с.
- Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1963. Т. VII. 760 с.
- Краткая история Албании. М.: Наука, 1965. 263 с.
- Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1992. 512 с.
- Магадеев И. Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. 864 с.
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Издание Литиздата НКВД, 1928. Ч. III. Вып. I. 430 с.
- Мишић С.* Албанија: пријатељ и противник. Југословенска политика према Албанији 1924–1927. Београд: Службени гласник, 2009. 261 с.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1. 304 с.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2003. Ч. 2. 688 с.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
- Революционная атмосфера на Балканах. Тревожное настроение в Болгарии и Румынии // Правда. 1924. 31 июля. С. 1–2.
- Сальков А. П.* Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-е – 1930-е гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 10. Минск: БГУ, 2015. С. 165–168.
- Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 431 с.
- Улунян Ар. А.* Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. М.: ИВИ РАН, 1997. 220 с.

- Albanian Unrest // *The Times*. 1924. 11 December. P. 14.
- Documents diplomatiques français. 1924. Paris: Imprimerie Nationale, 2013. T. I. XXXVIII, 652 p.
- Documents on British Foreign Policy. London: H.M.S.O., 1985. Ser. I. Vol. 26. CXI, 1162 p.
- I Documenti Diplomatici Italiani. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1959. Settima Serie. Vol. III. LXVIII, 621 p.
- Kolontári A. *Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941*. Boulder (Col.): Social Science Monogr.; Highland Lakes (N. J.): Atlant. Research A. Publ., 2010. 566 p.
- Pastorelli P. *Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927*. Firenze, 1967. 532 p.
- Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik? // Fondacioni Hasan Prishtina 2024. URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (дата обращения: 08.09.2025).
- Schmidt-Neke M. *Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939)*. München: Oldenbourg, 1987. 371 S.

References

- Agabekov, G. S. *GPU: Zapiski chekista*. Berlin: Strela, 1930, 248 p.
- Airapetov, O. R. *Vneshniaia politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920–1939 godakh i istoki Vtoroi Mirovoi voiny*. Moscow: Rodina, 2020, 800 p.
- “Albania v 1912–1924 gg.” *Albanskii uzel. Sbornik statei*. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925, pp. 176–184.
- Documents diplomatiques français. 1924. Paris: Imprimerie Nationale, 2013. Tome I. XXXVIII, 652 p.
- Documents on British Foreign Policy. London: H.M.S.O., 1985. Ser. I. Vol. 26. CXI, 1162 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. VI, 672 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Moscow: Gospolitizdat, 1963, vol. VII, 760 p.
- I Documenti Diplomatici Italiani. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1959. Settima Serie. Vol. III. LXVIII, 621 p.
- Kolontári, A. *Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941*. Boulder (Col.): Social Science Monogr.; Highland Lakes (N. J.): Atlant. Research A. Publ., 2010, 566 p.
- Kratkaia istoriia Albanii. Moscow: Nauka, 1965, 263 p.
- Kratkaia istoriia Albanii: S drevneishikh vremen do nashikh dnei. Moscow: Nauka, 1992, 512 p.
- Magadejev, I. E. *V teni Pervoi mirovoi voiny: Dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody*. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2021, 864 p.

Mezhdunarodnaia politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiiakh. Moscow: Izdanie Litizdata NKID, 1928, part 3, issue 1, 430 p.

Miših, S. *Albanija: prijatelj' i protivnik. Jugoslovenska politika prema Albaniji 1924–1927.* Beograd: Službeni glasnik, 2009, 261 p.

Natsional'nyi vopros na Balkanakh cherez prizmu mirovoi revoliutsii (v dokumentakh tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov nachala – serediny 1920-kh godov). In 2 Parts. Moscow: Editorial URSS, 2000. Part 1, 304 p.

Natsional'nyi vopros na Balkanakh cherez prizmu mirovoi revoliutsii (v dokumentakh tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov nachala – serediny 1920-kh godov). In 2 Parts. Moscow: ROSSPEN, 2003. Part 2, 688 p.

Pastorelli, P. *Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927.* Firenze, 1967, 532 p.

Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Evropa. Resheniia «osoboi papki». 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2001, 400 p.

“Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik?” *Fondacioni Hasan Prishtina 2024.* URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (accessed: 08.09.2025).

Sal'kov, A. P. “Sovetsko-albanskaia diplomaticheskaia intriga dekabria 1924 g. i dal'neishee stolknovenie sovetskikh i zapadnoevropeiskikh interesov v Albanii v 1920-e – 1930-e gg.” *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: nauch. sb.* Vol. 10. Minsk: BGU, 2015, pp. 165–168.

Schmidt-Neke, M. *Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939).* München: Oldenbourg, 1987, 371 p.

Smirnova, N. D. *Istoriia Albanii v XX veke.* Moscow: Nauka, 2003, 431 p.

Ulunian, Ar. A. *Komintern i geopolitika: Balkanskii rubezh 1919–1938 gg.* Moscow: IVI RAN, 1997, 220 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

D. V. Rodin

**“The Whole Story Makes a Frivolous Impression”:
the Problem of Establishing Soviet-Albanian Relations in 1924**

Denis V. Rodin

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospekt 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: enigma9307@mail.ru

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Citation

Rodin D. V. “The Whole Story Makes a Frivolous Impression”: the Problem of Establishing Soviet-Albanian Relations in 1924 // *Slavic Almanac.* 2026. No 1–2. P. 135–158 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

Received: 20.07.2025.

Revised: 08.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-00461, “‘Imagined Regions’ Between the Two World Wars: Problems of Construction and Management,” <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Abstract

The rise to power in Albania of Fan Noli’s left-liberal government following the June Revolution of 1924 initiated the establishment of diplomatic relations between Tirana and Moscow. However, the negotiation process, which began in July, dragged on for six months and ultimately failed. The protracted delays in resolving the issue of Soviet-Albanian relations were primarily caused by the uncoordinated actions of the Soviet plenipotentiary missions in Rome and Vienna: each conducted independent negotiations with the Albanian side on its own terms, leaving Tirana unclear about Moscow’s final position. Another significant hurdle was the bureaucratic red tape surrounding the appointment of staff for the proposed mission in Tirana. These delays were compounded by the deteriorating relations between the Albanian government and the Kosovo Committee, which had been actively promoting closer Soviet-Albanian ties. This situation was exploited by Great Britain, Italy, and Yugoslavia (with French support), who feared the expansion of Soviet influence in the Balkans. By exerting joint pressure on Noli’s government, these aforementioned powers secured the expulsion of the recently arrived plenipotentiary representative, A. A. Krakovetsky. A further coup in Albania in December 1924 and the return of Ahmed Zogu’s government to power marked the end of the first attempt to establish diplomatic relations between Tirana and Moscow.

Keywords

USSR, Albania, June Revolution, Fan Noli, G. V. Chicherin, A. A. Krakovetsky, international relations, Soviet diplomacy, Balkans.